

Шелли

слезы из Пепла

Ульрика Соборная

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адское пламя

Ульяна Соболева

Шели. Слезы из пепла

«Автор»

2015

Соболева У. П.

Шели. Слезы из пепла / У. П. Соболева — «Автор»,
2015 — (Адское пламя)

Когда жизнь отнимает все, то терять уже больше нечего. Ей осталось только оплакивать... только вспоминать... Иногда боль ломает, а иногда она дает силы, чтобы жить. Она восстала из пепла, возродилась из самой адской боли, которую способна вынести женщина, но прошлое все же напомнило о себе и начался кошмар. В оформлении обложки использованы фотографии авторов: Kiselev Andrey Valerevich и photoagent, размещённые на ресурсе shutterstock. Содержит нецензурную брань.

© Соболева У. П., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Соболева

Шели. Слезы из пепла

Глава 1

Я смотрела на карту, нарисованную на выдубленной коже, и лихорадочно думала. Мне предстояло выбрать верное решение, и все ждали ответа Фиена. А он не торопилась его давать, ему нужно было взвесить все «за» и «против», он не любил рисковать нашими воинами понапрасну, и командиры об этом знали. Перевела взгляд на головы лазутчиков у своих ног, посмотрела в широко распахнутые остекленевшие глаза и, равнодушно пнув носком сапога одну из них, кивнула Шону:

– Сожгите. Тела привязать к седлам и отправить Бериту.

Снова посмотрела на карту. Земли, соединенные с Мендемаем, принадлежали отцу Миены – Сиару Иофаму, и не входили в объединенные королевства. Мы не знаем, что нас там ждет, и не знаем, найдем ли там союзников. Но если вторгнуться в смежное королевство, то мы полностьюотрежем Мендемай от торговых путей, а если еще и заручится поддержкой самого Сиара, то наше войско и шансы на успех увеличатся в десятки раз.

– Зашлите к ним гонца. Переодетого. Вначале пусть разнюхает, что и как, только потом доставит послание Иофаму. Никакого вторжения в Королевство, пока мы не знаем, что там происходит, – сказал Фиен и посмотрел на меня, я отвела взгляд, так как уже поняла, к чему клонит мой как всегда осторожный муж.

– Говорят, Сиар никогда не был дружен с братьями. Они всегда враждовали. Берит нарушал территориальные границы несколько раз и сейчас мы точно знаем – он готовится напасть. Ему нужны земли Иофамона.

Я посмотрела на Тиберия. В его взгляде, как всегда, читалось высокомерие и уверенность в своей правоте. Скользкий тип, но один из лучших, безбашенных, сумасшедших. Он стоил десятих. За это ему многое спускалось с рук. Только сейчас я начала понимать Аша, который хоть и наказывал своих командиров, но никогда не рисковал их жизнями. Победителей не судят.

– С каких пор мы верим сплетням, Тиб? Это вполне может быть дезинформацией.

Шон как раз вынес головы лазутчиков из шатра, и я встала с кресла.

– Информация о том, что Берит готовит нападение на Королевство Иофамон, может быть ложной. Нам нужны доказательства. Их у нас нет. Ни одного, кроме сплетни. Мы можем напасть. Неожиданно и немедленно. Иофам не отразит такой мощный удар.

Фиен отрицательно качнул головой и подался вперед:

– Нет! Мы займем выжидательную позицию и подождем ответов гонца. Напасть на Королевство можно и после того, как это сделает Берит. Убить двух зайцев одним ударом. Ослабленное войско Верховного демона, разъяренные и угнетенные жители королевства в разрушенных городах – это уже союзники.

Инкуб снова посмотрел на меня, и в его желтых глазах я не увидела той самой поддержки, на которую рассчитывала. Все же пошел против. На совете. При всех.

– Самое время идти на Королевство, Фиен, – четко сказала я и обвела всех воинов взглядом. – Наша армия сильна, свергнуть Сиара и Миену не составит труда. Иофамон нужно брать силой.

Фиен подался вперед:

– Тогда противник может воспользоваться уже нашей ослабленностью и нанести удар, – парировал он, – подождем ответов гонца. Все свободны.

Я вышла из просторной залы и вдохнула всей грудью. Да, мне, черт возьми, хотелось разнести это проклятое Королевство. Превратить там все в руины. Моя конечная цель – Огнемай. Несколько лет назад я поклялась, что над Огнемаем снова будет развеваться черное знамя с огненным цветком, и я сдержу это слово. Любой ценой.

– Ты знаешь, что я прав.

Голос Фиена вывел из раздумий, и я медленно повернулась к нему.

– Нет, ты не прав.

– Миена не даст тебе этого сделать. Она не пойдет ни на одну сделку с тобой. Более того, она сделает все, чтобы ты проиграла. Это опасный противник, Шели. Вплоть до того, что сдаст королевство Бериту. Они будут стоять до последнего, но ты не получишь Иофамон.

– Считаешь, она настолько глупа?

– Ревнива, Шели. Именно ревнива. Думаешь, она простила тебе, то, что ты заняла место возле ее мужа и родила ему детей?

Я вздрогнула... При упоминании о моих мертвых детях сердце зашлось в короткой агонии и снова медленно забилося. Короткое замыкание, на секунду лишаящее тело способности функционировать. Мгновенный болевой шок.

– Мои дети мертвы... мой мужчина мертв. Нам больше некого и нечего делить.

– Я знал Миену не один день, она сдохнет, но не даст тебе победить.

– Я пообещаю ей жизнь. Я дам ей свободу. Если она его любила, она должна меня понять. Иногда горе объединяет, а не отталкивает.

Фиен усмехнулся и наконец-то его черты смягчились, а во мне его смех вызвал приступ гнева.

– Ты сейчас напомнила мне ту наивную Шели, которая верила в чудеса.

– Мы возьмем Огнемай любой ценой, – тихо сказала я, игнорируя его последнюю фразу, – любой. И если ради этого мне нужно будет содрать с нее кожу – я это сделаю. Я готова на все. Надо будет – я вывешу ее голову на зубьях башни, и она будет сохнуть там веками.

Фиен вдруг схватил меня чуть повыше локтя.

– Что еще ты ради этого делаешь, Шели? Что еще? Во имя него? Во имя памяти о нем? Рискнешь жизнью Ариса? Почему ты не можешь, как все женщины, заниматься тем, чем тебе положено? Растить нашего сына, сидеть и ждать меня с поля битвы? Черт! Хотя бы делать вид, что ты меня ждешь!

Я выдернула руку и со злостью посмотрела на инкуба.

– Нашего сына, Фиен? Зачатого тогда, когда я сама себя не узнавала, не то, что тебя?

В его желтых глазах отразилась боль, и я пожалела о сказанном, но слова вернуть назад невозможно, как и время, как и прошлое. Они уже брошены. Фиен медленно разжал пальцы.

– Если бы я этого не сделал – ты бы наложила на себя руки, Шели. Арис вернул тебя к жизни и к памяти. И он твой сын, твой ребенок. Единственный! Каким бы образом он не был зачат, сути это никогда не изменит. Ты – его мать, а я – его отец!

Я отвела взгляд и стиснула челюсти.

– Я люблю Ариса. Ты знаешь. Очень люблю. И да, он вернул меня из мрака и безумия. Мы уже говорили об этом не раз, Фиен. Да, я твоя жена, да, я родила тебе сына. Но мы оба прекрасно знаем, что все это ненастоящее.

В этот момент Фиен снова рванул меня к себе:

– А что настоящее, Шели? Что для тебя настоящее? Его вещи? Вырванные клочья волос? Завывание в подушку, когда думаешь, что тебя никто не слышит? Любовь к мертвецу? Это настоящее? А как же я, Шели? Все эти годы рядом с тобой, играющий роль супруга и заметить,

не для того, чтобы получить тебя, а для того, чтобы вознести на то место, где ты должна быть. Я ненастоящий? Не живой? Я мог бы сломать тебя и заставить!

Я сглотнула, чувствуя, как внутри вместе с яростью зарождается жалость.

– Мог бы! Но ты этого не сделал. И благодаря мне мы взяли Нижемай, Фиен. Армия идет за мной, ты это знаешь. Мы все были на грани краха. Да, ты настоящий. Ты самый лучший. Ты особенный.

Я провела рукой по его щеке, а на глаза навернулись слезы:

– Но я не принадлежу тебе, понимаешь? Я все еще принадлежу ЕМУ. Мое сердце, моя душа. Они не свободны. Каждую ночь я слышу его голос, его шаги, я слышу плач моих детей. Я слышу, как они зовут меня, а я не рядом. Я вижу лужи крови, я чувствую запах сгоревшего тела. Я все еще с ними, а они со мной. Прости.

Фиен сильно сжал мое запястье:

– Я не позволю тебе рисковать, Шели. Я не дам согласия на эту авантюру или покину отряд.

Я несколько секунд смотрела ему в глаза.

– Значит, ты покинешь отряд! – отчеканила и дерзко продолжила смотреть в глаза инкуба.

В желтых радужках снова отразилась боль, они потемнели, а пальцы сомкнулись еще сильнее. Он не умел скрывать свои эмоции. Никогда не умел. Он любил меня. Я это знала... но ничего не могла предложить взамен.

– Даже так, да? Смотрю на тебя и не понимаю – откуда все это? Оно было и раньше, или после смерти Аша что-то изменилось в твоём сознании? Где та Шели, которую я знал? Откуда возродился этот монстр, жаждущий крови?

– Та Шели, которую ты знал, сожгла себя на вершине Аргона, Фиен. А я успокоюсь, когда они все сдохнут. Все братья. Когда Огнемай станет нашим и мой сын взойдет на престол. Наш сын, Фиен.

Иногда стоит пожертвовать и рискнуть ради таких целей, а с твоей осторожностью мы бы все еще ожидали, когда Балмест нанесет первый удар по Нижемаю.

Фиен резко выпустил мою руку.

– Значит, ты уже все решила? Тебе и не нужно было мое согласие. Совет – это фарс, Шели?

– Я хотела, чтоб ты поддержал меня, но если так, то я обойдусь и без твоей поддержки. Они пойдут за мной и без тебя.

Фиен горько усмехнулся и отвернулся, наконец-то прервав зрительный контакт:

– Да, они пойдут за тобой и без меня. Они в тебя верят, а ты поведешь их на смерть.

– Не на смерть, а к победе! К нашей победе! Мы возьмем Иофамон, потом Огнемай, а дальше мы пойдем на Балместа и навсегда очистим Мендемай от эльфов. Твой сын будет править этим миром, Фиен. Аш мечтал, чтобы Габриэль взойшел на трон, но я не уберегла его. Значит, на трон взойдет Арис.

– Я не знал, что ты столь корыстна и амбициозна, Шели!

Я вскинула голову и с вызовом посмотрела на мужа:

– У меня кроме этого ничего не осталось! Это дает мне силы жить дальше, а не мечтать сжечь себя еще раз. Так ты со мной? Или покинешь отряд?

Через час я вошла в детскую на верхнем этаже замка. Нижемай полностью перестроили за эти несколько лет после взятия. Теперь это был мой дом. Ненавистный, временный дом, который я собиралась сжечь дотла после того, как мы возьмем Огнемай.

Я тихо прошлась по просторной зале, отражаясь в мраморных белых плитах пола, и оставалась, залюбовавшись мальчиком, играющим с хрустальными шарами. Он раскладывал их

на солнце таким образом, чтобы грани ловили тусклые лучи и отражали на полу замысловатый узор. От нежности защемило сердце. Мой малыш. Шесть лет назад он спас меня от полного безумия, от мрака, который поглотил меня после самой жуткой потери для женщины.

Тогда я пришла в себя от детского плача. Именно пронзительный крик младенца вырвал меня из пучины нескончаемой боли. Веда знала, что это вернет меня назад. Это была ее затея. Чуть позже я билась в истерике, кричала на них, выплеснула на Фиена и ведьму всю свою ненависть, всю ярость и отчаяние. От осознания, что тот использовал мое тело, когда душа была больна и далека отсюда, когда я истекала изнутри кровью, меня всю выворачивало и тошнило. Я не прикасалась к Арису несколько месяцев, я изводила себя. Я ненавидела этого малыша за то, что он родился, а дети Аша мертвы, я мертва. Я ненавидела всех вокруг и себя в первую очередь. Боль пожирала меня, как голодный и постоянно жаждущий мяса зверь. Она выдирала куски из моего сердца и равнодушно проглатывала. Оставляя меня с черной дырой вместо сердца. Мне не хотелось жить. Я постоянно и навязчиво думала о том, чтобы смерть забрала меня. От дикой агонии снова и снова хотелось рвать волосы на голове. Я и так их выдирала с корнями. Моя голова была неизменно накрыта платком, а клочья волос Веда собирала в сундук. Потом, спустя время она скажет, что не имела права выбросить часть меня, которая принадлежала только мне. Это я должна решить, как поступить с волосами. А мне ничего не хотелось решать. Я жалела, что они вернули меня. Слишком больно, так больно, что я выла и орала по ночам, как раненное животное. Я боялась спать, потому что каждую ночь слышала детский плач и даже помыслить не могла, что это плачет мой живой сын. Я оплакивала тех малышей, которых потеряла. И никто и ничто не могли мне их заменить. И я не хотела, чтоб заменили, поэтому не подходила к Арису. Я считала это предательством.

А потом впервые увидела малыша, и что-то перевернулось внутри. Он лежал и плакал в люльке, совершенно один, маленький и брошенный всеми. Я взяла его на руки, а разжать объятия уже не смогла. Малыш замолчал и вся моя нерастраченная материнская любовь, ласка, они вернулись с дикой силой. Я смотрела на черные волосы, на серо-зелёные глаза – и видела своего Габриэля. Мне казалось, что они так похожи... Наверное, мне просто очень сильно этого хотелось. Я ошибалась. Любовь к Арису не вычеркнула и не погасила моей любви к Марианне и Габриэлю. Словно пламя свечи, зажжённой от другой, моей любви хватало на них на всех. И ни одна из них не походила на другую. В сердце не стало тесно, там просто освободилось место для Ариса. Ведь у матери оно безразмерное. Невозможно кого-то любить больше или меньше. Я перестала себя упрекать и корить. Я рассказывала Арису о том, какими были его брат и сестра, пела ему те же песни, качала на руках, и в эти минуты ко мне приходило временное спокойствие.

Появился стимул жить, а потом и стимул мстить. Это были плохие времена для нашей армии. Она разваливалась на части, многие хотели покинуть отряд. Нас преследовали и травили, у нас не было крова и пропитания. Воины одичали. Фиен не справлялся с ними. Поначалу демоны пошли за ним, а после поражения под Нижемаем многие решили покинуть отряд. Я видела, как они в спешке собирали манатки, когда наш дозор принес весть о надвигающемся отряде Берита. Мы тогда жили в узком гроте, испещрённом пещерами, в самой сердцевине Аргона. Нас было в десятки раз меньше, чем сейчас. И в этот момент я вдруг почувствовала дикую ярость. Меня раздирало от гнева и боли. На моих глазах все рушилось, все то, ради чего погиб Аш, ради чего были убиты мои дети. Все напрасно! И я вышла к ним. Вместе с ребенком. Взорвалась на камень. Нет, я не закричала, но каким-то непостижимым образом сила моей ярости вызвала камнепад. Огромные горящие глыбы сыпались со скалы, преграждая путь беглецам, и они остановились, а потом обернулись ко мне. Спустя время мне рассказывали, что в этот момент мои глаза пылали огнем. А цветок на моем плече сжег ткань платья. Воины замерли и лишь тогда я закричала:

– Не ради этого он погиб! Не ради вашего бегства были убиты десятки братьев, не ради этого вы рисковали и освобождали рабов! Грош цена вашей свободе! Вы снова попадете в рабство. Вас отловят поодиночке и казнят. Вместе – мы сила, а порознь мы одичалые восставшие рабы. Ваш Повелитель никогда не бежал как трус. Никогда не отступал. Если сейчас вы уйдете – у нас больше не появится надежды на свободу. Мы должны сражаться! До последней капли крови! Вы должны! Отвоевать наши права, взять это чертов Нижемай! Взять Огнемей! Установить наши законы! При которых вы сможете создавать семьи, сможете иметь свои земли, а не быть разменной монетой работорговцев или Берита с Асмодеем и Лучианом.

– Как мы выстоим? Их тысячи, а нас ничтожно мало!

– Мы выстоим! Я вам обещаю! Правда на нашей стороне. Захватчики никогда не побежали. Это наш дом. Здесь каждый камень будет за нас, каждое сухое дерево и даже вода с мертвого озера. Все за нас! Мы заманим их в ловушки, мы превратим в агонию боли каждый их шаг. В этом гроте они будут зажаты как в тиски со своей тысячной армией. Мы заманим их, дадим возможность войти и обрушим на них камнепад, горящую отравленную воду, плавленый хрусталь. Мыотрежем им пути к отступлению. У нас еще есть время подготовиться! Но если одни уйдут, то другие погибнут здесь. И кто мы после этого? Мы уже не армия Аша, а горстка трусливых шакалов. Ваша свобода начинается здесь и сейчас. С этого места. С этого решения! Я – женщина и я остаюсь сражаться за свою свободу! Кто остается со мной?

Они остались. Все. Никто не ушел. И мы выиграли этот бой. Армия Берита, тысячная армия, они полегли в гроте, не ожидая атаки, после отвлекающего маневра воинов, которые якобы покинули грот, а потом вернулись и добились остатки армии Берита. Пленные десятками перешли на нашу сторону, они знали, что им будет дарована жизнь и свобода. Я не была тогда великим стратегом, я вспомнила, как Гай Юлий Цезарь проделал примерно тоже самое в битве при Фарсале*1. Я просто хорошо учила историю. Нам удалось повергнуть воинов Берита в бегство. После победы мы двинулись на Нижемай и наконец-то его взяли. Не штурмом, а хитростью. Да, я тогда рисковала, но нам удалось. Мы переоделись в форму воинов армии братьев, и Лучиан сам открыл нам ворота. Это была первая казнь, которую я совершила лично. В меня вселился дьявол. Я никогда не думала, что способна на подобную жестокость. После бесконечных часов пыток Лучиана отдали целому отряду под руководством Тиберия. Верховного демона, младшего брата Берита пустили по кругу десятки солдат. Я сгибалась от тошноты, меня рвало на пол казармы, но я наблюдала, как под дикие, животные вопли, безумные крики боли белокурого изысканного Лучиана насилует целый отряд, внутри меня разрасталось омерзение и наслаждение одновременно. А еще опустошение... потому что смерть Лучиана не вернула мне любимого. Ничто и никогда не вернет мне мою душу обратно, ничто не сделает меня прежней.

На хрустальный кол Верховного демона нанизали живым и вывесили перед воротами замка. Его смерть была долгой и мучительной. Тиберий тогда отвесил свою самую омерзительную шуточку, что любитель мужских членов умер под натиском самого длинного хрустального члена у себя в заднице.

Настало мое время, воины пошли за мной. Все. Безоговорочно и фанатично они приносили мне присягу и целовали знамя в моих руках. Мы одерживали победу за победой. Отряд перебрался в Нижемай. Через год нас уже было больше тысячи. Мы взяли ту самую цитадель и отрезали Огнемей от Арказара и мира смертных. Бериту оставалась одна дорога – через Иофамон. Я хотела обрубить и эти возможности. Если мы возьмем Королевство – братья начнутдохнуть с голода, их армия обнищает без торговли и пропитания. Самый ценный товар – кровь – станет для них недоступным и Берит падет. Я мечтала казнить его лично. Каждый раз, когда силы или уверенность покидали меня, я представляла себе мертвых братьев и снова шла вперед. К победе за победой. После взятия цитадели нас стало больше еще на несколько сотен. Воины переходили на нашу сторону, рабы примыкали к отряду со всех сторон. Мы взо-

рвали этот мир к дьяволу, все их законы. У нас они были иными. За предательство – смерть, за верность награды и почет. Да, я принесла в Мендемай те самые законы, по которым жили смертные в моем мире. И это работало. В Нижемае раздавались детские голоса, разрасталось хозяйство. Нам не нужно было отлавливать рабов и насильно забирать их кровь, мы создали банк крови добровольцев. И их оказалось так много, что санитары не успевали делать забор. Бессмертные всех рас сами понимали необходимость этого. Все шло войнам, а остатки делили между жителями Нижема. Каждый день отряд санитаров развозил по виштам пакеты. Таким образом мои солдаты не голодали, а мои подданные не умирали. Некий баланс, который объединял, а не превращал в диких зверей. Все это время Фиен неизменно был рядом со мной. Я любила его. Нет, не как мужа, как брата, соратника. Мы поддерживали видимость семьи, но на самом деле мы ею так и не стали. Это моя вина. Я не могла. Шли годы, а легче не становилось. Есть потери, у которых нет времени, нет срока годности. Да, Фиен прав, каждую ночь я оплакивала свои потери. Я не отпускала их или они меня. Я не могла смириться, постоянно возвращалась в прошлое, я проживала его снова и снова в своих воспоминаниях. Там, в горах Аргона, Фиен создал для меня нечто похожее на склеп, две маленькие плиты и одна большая. Под ними – пустота, но там я могла плакать, говорить с ними, сдирать ногти до мяса, выть и кричать, когда боль становилась невыносимой. Иногда я брала коня и мчалась в скалы, чтобы ползти по талому снегу к пещере, где у меня была иллюзия единения с ними. Где я переставала быть сильной Шели, где я снова рвала на себе волосы и шептала их имена, говорила с ними, пела колыбельные, которые сочинила своим мертвым малышам. Перед отъездом во взятый Нижемай я принесла сюда сундук с волосами и похоронила их под плитами. Горсти серебряных прядей с засохшей на них кровью. Я отдала им частичку себя. Если бы я могла вырвать свое сердце и закопать его здесь – я бы так и сделала, но Веда и Фиен заставили меня жить. Они дали мне стимул – Ариса. Он держал меня в этом мире. Он и дикая жажда мести. Когда мы врывались в вишты подданных Берита, я лично отдавала приказы о казни тех, кто не желал примкнуть к моей армии. Мы не щадили никого. Мы сжигали за собой все. Они отняли моих детей, а я отнимала ихних. Нет, мы не убивали – мы пополняли отряды. Их растили войнами армии Пепла. Молодняк, фанатиков, готовых к смерти в любой момент. С иными ценностями, чем в их узком мире рабов Берита. Где изначально их жизни не стоили и одной дущи.

Я посмотрела на Ариса и тихонько подошла сзади, опустила на колени и обняла ребенка.

– Воинов не обнимают, мама, – серьезно ответил мне мальчик и я улыбнулась.

– Обнимают, малыш.

– Тогда я стану слабаком, так Тиб говорит, когда учит меня драться.

– Просто Тиба никто не любит и он не знает, что такое обнимать любимое существо.

Арис оторвался от игры и посмотрел мне в глаза:

– А ты меня любишь?

– Да. Очень. Больше жизни, – прошептала я и поправила воротник его рубашки, залюбовалась курчавыми волосами, спрятанными за уши. Какой он красивый, мой мальчик, когда вырастет – женщины будут сходить по нему с ума.

– Тогда почему ты бросаешь меня? Разве мамы не должны оставаться дома, с детьми, а не ходить на войну?

Я тяжело вздохнула и прижала его к себе.

– Твоя мама не просто мама, малыш. Твоя мама тоже воин, а, значит, она должна воевать. Помнишь, я рассказывала тебе сказку о принцессе-ангеле?

Он кивнул и сам прижался ко мне. Я бы отдала все на свете, чтобы меня обнимали три пары рук, а не одна. Сердце забило быстрее и на глаза непрошенно навернулись слезы.

– А вдруг тебя там убьют? И ты никогда не вернешься ко мне.

Я обхватила личико ребенка ладонями.

– Я всегда вернусь к тебе, малыш. Запомни – всегда. Тем более, твой отец с нами, он не позволит, чтобы со мной что-то случилось.

– Ты плачешь?

– Нет, милый. Не плачу. Просто твои шары излучают такой яркий свет, что меня ослепило. Можно, я поиграю с тобой?

Он улыбнулся мне и обхватил мое лицо точно так же, как и я его:

– А ты умеешь рисовать отражением?

Я кивнула и поцеловала его в макушку.

– Тогда можно.

Малыш подвинулся, и я села рядом с ним, раскладывая хрустальные шары полукругом. Иногда я представляла себе, что их здесь трое. Моих малышей. Они играют и смеются, тянут ко мне руки, кричат «мама» наперебой. Но не здесь, не в Нижемае, а под высокими черными потолками Огнемая. В нашем доме, в том доме, куда мечтал вернуться Аш.

– Мертвые соперники иногда намного сильнее живых, Фиен, – Веда отобрала у инкуба флягу с чентъемом, – хватит нажираться. Скоро свалишься здесь мешком, а у меня дел по горло.

– Она выставила меня, Веда, сказала, что если я не с ней, то могу убраться. Твою мать, просто вышвырнула, как никчемную собачонку. С Нордом так не обходится, как со мной.

Фиен обхватил голову руками и сгреб пятерней волосы.

– Пять лет! Долбанные пять лет. Каждый день, каждый час и секунду я жду, что что-то изменится. Хоть какую-то искру, знак, улыбку, мать вашу. Улыбку! А на оплакивает мертвого, словно вчера похоронила. Ты говорила, что нужно время. Сколько? Сколько времени еще нужно?

Веда села рядом и плеснула себе чентьема, сделала глоток и поморщилась.

– Если я отрежу тебе руку, Фиен, хрустальным мечом, сколько времени у тебя займет привыкнуть жить без руки? Верно, ты никогда к этому не привыкнешь.

Он вскинул голову и посмотрел на ведьму затуманенным пьяным взглядом.

– Это не рука...это мужчина. Любовник.

– Не любовник, а отец ее детей, любимый. И да, это не рука, верно. Это сердце. Ее раны все еще кровоточат. У каждого свой срок для забвения. Значит, ее срок еще не настал, и от того, что ты теряешь терпение, ничего не изменится.

– Завтра на рассвете я уезжаю, – сказал он и яростно смел все со стола, глянул на ведьму исподлобья.

– И бросишь ее одну?

Фиен расхохотался, его смех эхом разнесся под разноцветными фресками комнаты, бросающими красноватые блики на стены, завешанные гобеленами.

– Одну? Веда, это не та Шели. Нет больше той хрупкой и нежной женщины, она как дьявол, она как само разрушение. Она ни черта не боится. Она кровожадней любого из нас. Я смотрю на нее и не узнаю. Ей не нужна моя помощь. Я вообще ей на хрен не сдался.

– Шели любит тебя, Фиен. Не так, как Аша. Нет. Ни одна любовь не похожа на другую. Но любит. Как друга, как брата. И у этой любви есть все шансы стать чем-то большим.

– Я смотрю на нее и сатанею от желания... я вспоминаю...твою мать, – Фиен обрушил кулак на стол, – ни одна долбанная самая горячая шлюха не стирает во мне воспоминаний о ее теле, о ее губах...о ее запахе. Ни одна! Я надеялся, что ребенок...

Веда усмехнулась:

– Когда мы затеяли все это, ты прекрасно понимал, что тебя ждет, но ты пошел на это. Ты знал, что взаимности может не быть, но ты хотел вернуть ее, ты готов был на все. И вернул. Теперь, как и все мужчины, ты хочешь большего, Фиен.

– Я любви ее хочу! Улыбки! Прикосновений! Я с ума схожу. А она рыдает там...воет, стонет...шепчет его имя. Я больше не могу соперничать с ним. Веда, я его ненавижу. Я ненавижу все, что с ним связано и мне страшно, что я это чувствую. Понимаешь? Себя я в этот момент ненавижу еще больше.

– Это нормально, инкуб... это ревность. Смирись. ОН всегда будет присутствовать незримо между вами. Мертвые опасней живых, они не меняются, они не исчезают, не стареют. Они забирают с собой самое плохое и оставляют в наших сердцах только хорошее, если они были любимы. Запомни Фиен – они живы, пока мы их помним. Пока Шели помнит Аша – он живой для нее. Вечный. Если ты ее любишь, ты это примешь, и тогда тебе станет легче, а если нет – то уходи, Фиен. Только запомни – сдаются только слабаки. Аш бы не отступил.

Фиен с грохотом опустил кулак на стол:

– Я не Аш. Мать вашу! Я никогда им не стану!

– Не станешь. Будь собой. Люби ее, как умеешь ты, и не позволяй идти на Иофамон одной. Не забывай, что несколько лет назад вас кто-то предал. И этот кто-то, возможно, до сих пор среди вас. Кто позаботится о Шели и Арисе, если ты уйдешь?

В дверь постучали, и Веда с Фиеном обернулись. Дверь распахнулась, Шон отряхнул хлопья снега с плаща:

– Наши лазутчики донесли, что отряд Балместа заметили в районе Огнемая с южной стороны. Они захватили четыре вишты, сожгли дотла. Есть предположения, что они могут пойти на Нижемай. Эти суки ведут партизанскую войну.

Фиен вскинул голову и посмотрел на Шона.

– Это невозможно. Эльфы не знакомы с местностью Огнемая. Там огненные топи. Ни один лазутчик там не пройдет, не зная дороги. Не то, что армия.

Шон снял плащ и подошел к огню, протянул руки, переворачивая тыльной стороной огромных ладоней, покрытых веснушками.

– Значит, у них есть проводник. Тот, кто прекрасно знаком с картой Огнемая. Вишты сожжены, никто не выжил. Всех посадили на колья и вывесили вдоль дороги.

– С чего ты взял, что это эльфы?

– Мертвецам отрезали уши, Фиен. Это знак Балместа. Его месть. Так мы поступаем с эльфами.

– Никто не знает дороги через топи, Шон. Это путь мы прокладывали сами с Ашем, когда шли на Тартос.

– Факт остается фактом, они близко, и они снова на тропе войны.

*1 – Известное сражение в Фессалии при Фарсале 9 августа 48 года: Помпей имел под своим командованием 40 тысяч человек пехоты и 3 тысячи кавалеристов, а Цезарь – 30 тысяч пехоты и 2 тысячи конников. В начале битвы помпейская конница отбросила конницу противника, но увлекшись ее преследованием, попала под неожиданный удар шести когорт легионеров, скрытых Цезарем за своим правым флангом внутри города. После этого ей пришлось обратиться в бегство, увлекая за собой пеших воинов. Легионеры Помпея стали тысячами сдаваться в плен противной стороне, зная, что им будет сохранена жизнь. В этой битве победители потеряли всего 200 легионеров и 30 центурионов, а побежденные – 8 тысяч, не считая еще 30(по другим сведениям – 20) тысяч, сдавшихся в плен. Им была дарована жизнь (прим. автора).

Глава 2

Балмест выпрямился, откидываясь на спинку кресла, и прикрыл глаза. Совершенно белые ресницы бросали тень на его впалые щеки с широкими скулами. Между густыми бровями залегла глубокая складка. Он думал. А когда он думал, то вокруг должна быть тишина и журчание воды, издаваемое маленькими фонтанами прямо в стенах его покоев, напоминающих роскошный сад, а не комнату. Иллюзия мира смертных, который любил король Эльфов. Он стремился создать то искусственное совершенство, которого лишен Мендемай с его невыносимой природой. Ему даже привезли канареек и те щебетали по утрам в роскошных золотых клетках. Король Эльфов крошил им крошки хлеба и любовался на яркие перья.

Пока он молчал, его советник Эльпери, покорно склонив голову, ожидал ответов. И Балмест прекрасно знал, что тот ждет и простоит в этой позе несколько часов к ряду, если потребуется. И в этот раз король не торопился, ему нравилась их смиренность, их покорность. Ему это льстило. Балмест любил лезть. Знал, когда ему лгут, но предпочитал держать вокруг себя сладкоречивых приспешников, которые тешили его эго. Критику Балмест не любил, да на нее никто и не решался.

– Прикажи почистить клетки, – внезапно сказал он и распахнул глаза, при ярком свете свеч заблестели серы радужки, – десятую и шестую не чистили.

– Чистили, Ваша Светлость. Не далее, как вчера.

Метнул яростный взгляд на секретаря.

– Не чистили. Я же вижу. И не спорь.

Тот покорно кивнул. Балмест подался вперед и оторвал от тонкой ветки ягоду, похожую на виноград, сунул в рот и разжевал. Король эльфов походил на юношу лет двадцати, с нежной тонкой кожей, длинными белыми волосами и античными чертами лица. Тонкие пряди волос, заплетенные в косы, аккуратно заправлены за заостренные уши. Внешность – дьявольски обманчива, особенно внешность эльфов.

– Что скажешь, Эльпери?

Резко посмотрел на секретаря и тот сжался под этим взглядом, как-то скукожился, как трусливый пес перед хозяином.

– Нэд вывел отряд через топи, и они взяли четыре вишты под Огнемаем. Вырезали всех жителей. Он лично приказал развесить их на кольях вдоль дороги. Лиес подтвердил.

Балмест удивленно приподнял белесую бровь.

– Его узнали?

– Нет, ваша Светлость. Не узнали. А если и узнали, то они замолчали навечно. Воины вернулись с новой картой окрестностей Огнемая. Напасть можно через несколько дней после того, как Армия Падшей возьмет Иофамон.

– Где он? – Балмест словно пропустил мимо ушей отчет секретаря.

– В своих покоях, как всегда в это время, Ваша Светлость, – секретарь нервно поправил волосы цвета меди за ухо и отвел взгляд.

– В своих или ее покоях? Отвечай! В своих, или снова дерет эту ненасытную сучку, мою сестру?

Эльпери смутился, но, все же, ответил:

– Ее Светлость пригласили Нэда в свои покои.

Балмест выпрямился в кресле:

– Похотливая шлюха!

Он смел со стола подносы с фруктами и быстрыми шагами пересек комнату, секретарь несколько раз моргнул, когда тот прошел мимо него, шлейф от серебристого плаща скользнул

по полу из горной слюды. Резные двери из разноцветных стекол бесшумно закрылись за королем. Король вышел на веранду и вдохнул отравленный воздух Мендемая. Когда-то все здесь принадлежало Эльфам. Все земли. Они жили в мире с демонами, они женились между собой, создавая новые расы. Это было несколько тысяч лет назад, пока к власти не пришел Кинахи Эш. Он разорвал мирный договор с Эльфами. Он же устроил схватку с Ангелами, разрушив до основания Онтамаголию. И началась кровопролитная война с Демонами. Первым не повезло, демоны истребили почти всех, загнали Эльфов в вершины Тартоса. Прошли столетия, прежде чем раса снова окрепла. Кинахи казнили Ангелы. Они изловили Короля демонов и обезглавили его за Онтамаголию. На престол взошел Руах. И оказался страшнее своего старшего брата. Полный захват всех территорий, без возможности перемирия. Балмест пытался заключить мир всеми способами, он посылал Руаху наложниц–эльфиек, платил дань, но проклятый демон присылал ему головы женщин и возвращал золото. Он хотел Тартос, истребить эльфов, захватив рудники с хрусталем. Единственное оружие, способное убить демонов, ангелов и нейтралов. Та самая ценность, благодаря которой эльфы еще живы и существуют – торговля хрусталем. В Мендемае всего три торговых пути. Первый – через Арказар в Асфентус, второй – через смежное Королевство Иофамон и третий – через Тартос по руинам Отамаголии и лабиринту. Третий был непроходимым, но Балмест усыпал его костями своих братьев, пока те не нашли выход и не поместили торговый путь для своего Короля.

Балместу нужен был сильный союзник, чтобы вернуть былое могущество. Некто из самих демонов. Он заручился поддержкой нескольких продажных подданных Братьев, но это было ничтожно мало, лишь информаторы, а Балместу нужен тот, кто поднимет войну изнутри. Когда байстрюк впал в немилость и его заподозрили в убийстве Руаха, которого, несомненно, прикончил один из венценосных негодяев, Балмест понял, что его час пробил. Именно эта ситуация должна была сыграть на руку эльфу и сыграла. Не без его участия, естественно.

Король ждал, когда байстрюк допустит ошибку, ждал, когда предатели поднимут головы снова и ударят демона в спину, и он дождался. Жизнь преподносит подарки тем, кто очень долго ждет. Терпеливо, год за годом работает над вознаграждением за труды.

Хамелеон Ши. Балмест купил его у Ленца. Долгие годы Ши исполнял задания для Короля и был фанатично ему предан. Жаль, что его не стало. Он бы пригодился Балместу еще не раз, но ушел не просто так, а выполнил свою миссию. Самую главную за всю его рабскую жизнь.

Король наблюдал за нападением на Нижемая. Он видел все своими глазами, продумал каждую мелочь. И о предательстве знал. Внутренне повысил ставки, был уверен, что и байстрюк догадается, но демон был ослеплен жадой победы и повел своих воинов на верную смерть.

Пришлось пожертвовать Ши, иначе растерзали бы демона, а у Балместа были иные планы на этот счет.

Аша вынесли из Нижемая вместе с трупами других воинов. Накрытого рваными, грязными тряпками. Ближе к утру лазутчики откопали из-под мертвецов тело Байстрюка и принесли Балместу.

Это был долгий путь, но Король терпелив, тела сменили после самой казни. Перед процедурой вывешивания мертвецов по периметру Нижемая. За огромную сумму золотых дукатов Балмест договорился с палачом о том, чтобы сердце Аша погрузили в специальную жидкость, замедляя умерщвление. Конечно же, сам палач уже расплатился за это жизнью. Балмест не оставлял свидетелей никогда.

Демона оживил Лиам, эльф-маг. Живое сердце байстрюка вшивали в развороченную грудную клетку, ждали заживления тканей несколько лет. Раздробленные кости рук и ног после удаления главного органа снабжения кровью не восстанавливались, демон не видел, не разговаривал и не двигался.

Это был живой мертвец. Растение. Лиам сто раз предлагал оставить эту затею и позволить природе довершить начатое, но Балмест не сдавался. Ему нужен был этот проклятый сукин сын. Он сделал слишком высокую ставку на него. И дождался. Спустя три года молчания демон заговорил, начал двигаться, ходить, самостоятельно есть, возвращаться к жизни.

Эльф приказал скрывать от байстрюка, где он находится, до поры до времени, до того самого разговора, который должен был поставить все точки над «и».

А потом проклятый Демон начал задавать вопросы, на которые не получал ответов. Рано или поздно это должно было привести к взрыву и привело. Умный ублюдок окреп и убил всю свою охрану, а когда вырвался наружу из охраняемых покоев, понял, где он находится. Его поймали, снова с потерями, вернули обратно и тогда на сцену вышел Балмест.

Несколько часов разговора, в течение которых эльфу хотелось разодрать эту сволочь на части. На месте. Не раздумывая дважды, но он стерпел. Он знал, зачем ему это нужно. Нет... Баместу не нужен был раб, хотя он мог сделать Аша таковым, ему нужен был союзник. Но байстрюк отказался. И это король тоже принял. Заключил договор о том, что войско Аша не приблизится к эльфам, а если потребуется, окажет помощь – демон дал слово, и Балмест его отпустил. С наслаждением откинулся на троне, замирая в предвкушении возвращения.

Аш не знал, что возвращаться ему некуда – его девка вышла замуж за инкуба, дети мертвы, армия преданна Падшей до фанатизма, и появление байстрюка, которого все назовут самозванцем, ничего не изменит. Балмест рисковал, сильно.

Демон мог запросто свернуть шею Падшей, зарезать своего друга и быть растерзанным своими же подданными, которые вряд ли поверят в историю исцеления байстрюка. Но король рискнул.

Аш вернулся спустя несколько суток, его приняли обратно, выделили отдельные покои, где озверевший демон предавался беспробудному пьянству и оргиям.

И этот период Балмест переждал. Он получил союзника только спустя пять лет. Верного, преданного, фанатичного союзника, которого и сам уважал изначально. Были свои нюансы, которые раздражали эльфа, но в соотношении с выгодой – это капля в море. Наглый, самоуверенный ублюдок изначально чувствовал себя королем, он понимал, насколько нужен эльфам и диктовал свои условия. Балмест вынужден был терпеть.

Аш присягнул в верности армии Балместа, принял новое имя и командование армией.

Огорчала только Илина, которая воспылала к байстрюку какой-то дикой страстью, болезненной одержимостью. Балмест делал иные ставки на ее будущее, но эта сучка ломала все его планы с маниакальной настойчивостью, афишируя свои отношения с Ашем. Всячески подчеркивая, что они любовники. Между принцессой эльфов и женатым демоном связь невозможна, брак тем более. Но ее это не волновало, она, как течная самка, преследовала демона и униЗИ-тельно таскалась за ним повсюду.

Балмест сто раз объяснял ей и сто раз получал чисто женские, глупые ответы.

Мог бы – свернул бы ей шею.

Король снова сделал глубокий вдох и решительно вышел с веранды, поднялся по лестнице и ударом ноги распахнул дверь в покои сестры. Застыл на пороге, содрогаясь от гнева.

Байстрюк остервенело трахал Илину, распластав на мраморном столе, намотав белые пряди волос на мощную руку. Красив сукин сын. Король не мог не признать. Он, истинный ценитель мужской красоты, равнодушный к женской, по достоинству мог оценить великолепное тело байстрюка, широкую спину, исполосованную шрамами, упругие ягодицы, сжимающиеся в такт толчкам. Блестящий от пота, с растрепанными длинными волосами, вдальблывающийся в молочно-белое тело Илины быстро и безжалостно, оставляя на ней кровавые полосы от когтей, под дикие стоны сестры и собственное рычание.

– Какого дьявола! – голос Балместа, дрожащий от ярости, эхом разнесся по спальне.

Демон и не подумал остановиться, он проигнорировал короля, продолжая двигаться в хаотичном ритме. Илина начала вырываться, а тот громко расхохотался и разжал лапы, сжимающие стройные бедра. Эльфийка метнулась к одежде и прикрылась длинной туникой, а Нэд повернулся к королю, не стесняясь наготы и вздыбленного, блестящего от влаги члена.

– Твоя сестра скромница, Балмест.

– Прикройся, – бросил Король и отвел взгляд, – есть разговор.

– Ты не видел голых мужчин, Бал? Или это моя нагота тебя смущает?

Проклятый самоуверенный наглец, позволяет себе больше, чем кто-либо из окружения Балместа. И знает, что сойдет с рук, мерзавец.

– Меня смущает то, что ты трахаешь мою сестру и не скрываешь этого.

Нэд усмехнулся.

– А что скрывать, если каждому ублюдку в твоём замке об этом известно. Более того, я далеко не первый, кто побывал в этой прекрасной постели и в этом сочном теле за несколько тысяч лет, Бал. И, скорее всего, далеко не последний.

Илина поднесла Ашу тунику, но тот даже не обернулся к ней, отмахнулся как от назойливой мухи.

– Иди, погуляй, мы поговорим с Балом и закончим то, что начали.

Балместа передернуло от этого тона, он ожидал истерики. Илина из тех женщин, которые не потерпят наглость и грубость, но, к его удивлению, сестра без возражений исчезла за резными колоннами, оставляя их наедине.

Демон подошел к постели, сдернул покрывало и прикрыл чресла.

– Говори, Балмест, я внимательно тебя слушаю.

Протянул руку к фляге с чентьемом и отхлебнул из горлышка. Проклятый байстриук не мог не вызывать восхищения. Сукин сын. Чентьем в замке Эльфов. Нонсенс. Илина балует любовника как может, за какие заслуги, одному дьяволу известно. Впрочем... определенные достоинства Балмест уже лицеизрел сам.

– Зачем сожгли вишты, Нэд?

Эльф подвинул кресло и сел, закинув ногу на ногу.

– Чтобы нагнать страх. Когда тебя бояться до дрожи, до тошноты, то не на что, кроме паники, мыслей уже не хватает.

Балмест удовлетворенно усмехнулся.

– Когда будем готовы взять Огнемай?

Демон вытер рот тыльной стороной ладони.

– Сначала Иофамон, потом Огнемай.

– Объясни, зачем я должен так рисковать?

– Это не риск, а стратегия. Берит возьмет Иофамон после того, как его захватит Падшая. Мы обождем в стороне. Обе армии будут изнурены тяжелыми боями.

Тогда мы и выйдем на сцену. Разделим войско. Одна часть войдет в опустевший Огнемай, а вторая захватит Иофамон. Безоговорочная победа по двум фронтам, Бал.

Демон рассуждал спокойно, только глаза то загорались, то тухли. Видно было, что он в восторге от собственной идеи.

Балместу она тоже понравилась, но у него были и свои варианты, менее рискованные, чем план, предложенный Нэдом.

– А почему бы нам не подождать, пока Берит разобьет войско Падшей и инкуба? – намеренно подчеркнул, ожидая реакцию. – А в этот момент не взять полностью Огнемай и лишь потом пойти на Иофамон. Примерно то же самое, но меньше риска.

Демон снова отпил из фляги и закинул руку за голову. Какая неприкрытая мощь. Всего год назад кожа да кости, ни одного слова, искалеченный и немощный, а сейчас окреп сукин сын. Блистает здоровьем.

– Потому что за время, которое будет у Берита после взятия смежного королевства, он перетянет на свою сторону пленных, и его армия станет вдвое больше. Если мы нападём в момент раздора – то добьём неожиданностью. Кроме того, ты помнишь, Бал, у меня есть и личные цели в данном мероприятии.

– Конечно, помню. Как не помнить. Их ты и ставишь на первое место, Нэд. Твои личные цели.

Глаза демона сузились, зрачки напоминали тонкие полоски, внутри радужки бушевало пламя.

– Возможно. На то они и личные.

– Твои планы выполнит сам Берит – казнит их обоих, и дело с концом, – Балмест с наслаждением наблюдал за реакцией демона и отдал ему должное – полное равнодушие. Нет даже искры ненависти и ярости.

– Я хочу сделать это сам. И я не хочу это больше обсуждать.

– Значит, в угоду твоим личным целям я должен рискнуть своими воинами.

– Я же рискую своей задницей ради твоих целей, Король, рискни и ты ради моих. В этой жизни за все приходится платить. Тебе ли не знать? Я хочу казнить их лично, всех тех, кто предали меня. Я буду их свежевать и смерть покажется им избавлением. Ради этого я присягнул тебе в верности. Ничто другое не толкнуло бы меня на это унижительное сотрудничество.

Балмест почувствовал, как его холодная кожа покрылась мурашками. Только сейчас он понял, что не хотел бы иметь такого врага никогда. Личного врага, с личной местью.

Глава 3

Мы двигались очень медленно, разделившись на пять небольших отрядов. Основной, со мной во главе, двигался в сторону Иофамона по неровной дороге ухабистой дороге. Наш отряд можно было принять за торговый обоз, идущий из Арказара с провизией и рабами. Мы отлично замаскировались, чтобы не привлечь внимание Берита и его разведчиков. В Мендемае наступило подобие лета, впрочем, оно ничем не лучше зимы. Если зимний ветер пробирал до костей ледяным холодом, то сейчас на нас дуло жаром, словно из домны вулкана, высушивая горло и кожу, поднимая всю пыль и песок в воздух.

Два боевых отряда следовали поодаль, вооруженные до зубов, мелкий отряд разведчиков проверял дорогу впереди, они подавали нам знак маленькими зеркалами. Один блик – дорога чистая, два блика – притормозить для проверки. Я готовилась к этому походу довольно долго и не могла рисковать ни одним из своих воинов. Они доверились мне и покинули обжитый нами Нижемай в надежде вернуться домой. В Огнемая. С победой. В Нижемае остался небольшой дозор и велись восстановительные работы. В любом случае, путь туда пролегал через цитадель, и мы не опасались нападения Берита там. У него другая цель – Иофамон.

Миена слишком быстро согласилась принять меня у себя для переговоров. Это настораживало. От нее я ожидала чего угодно. Впрочем, делить нам больше некого. Мрачная мысль отозвалась болезненным уколом в сердце и резонансом заставила меня вздрогнуть всем телом. Я бросила взгляд на Веду, которая прижимала к себе Ариса. Невольно залюбовалась сыном. Такой маленький и такой сильный, выносливый. Мой мальчик. Это первый поход, в который я взяла его с собой. У нас не было выбора. Эта кампания затянется надолго, и я не могу оставить его в Нижемае одного. Кроме того, он уже достаточно взрослый, чтобы привыкать к жизни в дороге. Как его отец, и как Аш. Он будет настоящим воином. Я не сомневалась в этом. Фиен, как всегда, не разделял моего мнения даже в этом. Он предлагал оставить Ариса в Нижемае вместе с Ведой. Зачем таскать за собой пятилетнего ребенка? Но я была категорически против. Один раз я уже послушалась Фиена и отправила детей с Мелиссой, в целях безопасности... Я буду спокойна, пока Арис со мной. Я смогу защитить своего сына, когда он рядом.

Блик вдалеке мигнул два раза, и мы остановились. Лошади в нетерпении переминались с ноги на ногу, а я осмотрелась по сторонам, приложив руку к глазам, заслоняясь от тусклого света Мендемайского солнца. Со всех сторон нас окружали скалы. Небо сливалось с заснеженными верхушками. Я уже успела забыть, что в моем мире оно такое разное, здесь оно всегда неизменно серого цвета или молочно-туманного, а ночью черное и непроглядное.

Дорога в Иофамон, одна единственная, проходила через скалистую местность, что усложняло наш путь и делало его более опасным. В пещерах и зарослях могли прятаться лазутчики Балместа, Берита. Да кого угодно.

Снова блик впереди, и мы двинулись с места. Наконец-то вдалеке я увидела каменные шпили башен Иофамона. А позже и знаменитую Иофамонскую стену, которая окружала княжество со всех сторон, гарантируя надежную защиту от врагов.

Наш обоз поравнялся с отрядом демонов, вооруженных копьями. Армия Сиара Иофама. Их одежда отливала бронзой, и перевязи на обнаженных торсах сверкали гербами с изображением трехголового василиска, как и знамена, развевающиеся на шпилях башен и зубьях стены. Воины выстроились в две параллельные шеренги, проверяя обозы и путников. Нас обыскали, но проявили почтение. Видимо, их предупредили о нашем приезде.

Пять лет назад я бы даже не предположила, что буду на одной ступени иерархии с женой Аша, что стану свободной. Последний раз, когда я видела ее, я была просто рабыней. Игрушкой Аша, бесправной и испуганной до смерти. Сейчас я свободна... более свободна, чем ветер.

Как бы я хотела променять эту свободу и все, чего достигла, на то, чтобы вернуться в прошлое и быть там с ним снова. Прожить наш каждый день вместе... Еще раз. Возможно, иначе, не теряя ни секунды на сопротивление и неуверенность. Бросила взгляд на Ариса и сердце сжалось – тогда его бы не было. Он бы не родился. Разве я могу жалеть о том, что у меня есть сын?

Когда-то, несколько лет назад, я еще не научилась контролировать боль. Она нападала на меня неожиданно и вгрызалась в каждую клеточку моего тела, заставляя корчиться от агонии, ломать ногти о каменные стены склепа, снова и снова выдирая клочья волос. Они падали серебристыми прядями к моим ногам, а я вспоминала, как Аш перебирал их пальцами, и как они струились по его темной коже, когда я, обессиленная часами безумного секса, лежала на его груди. Я срывала голос и звала их троих. Я кричала Богу или Дьяволу, проклиная всех. Я молила вернуть мне их или вернуть меня назад, туда, где они живы. Меня затягивало в воронку безысходного горя, в пучину постоянных воспоминаний и дикой боли, я теряла нить реальности и сходила с ума. Мне не хотелось жить. В такие моменты я мечтала о смерти...

В ту ночь я не заметила, как Веда зашла в склеп с Арисом на руках. Она схватила меня под руку и рывком подняла с пола. А я отшатнулась от нее к стене, рыдая и закрывая лицо руками, и тогда Веда протянула мне Ариса.

– Смотри, Шели, вот твой сын. Вот твое будущее. Смотри на него. Ты хорошо его видишь?

Затем достала из-за пояса кинжал.

– Если я скажу тебе, что, убив его, ты вернешься в свое прошлое, ты убьешь? Ты сможешь убить свое будущее ради прошлого, которое, возможно, будет еще ужаснее. Убей живого ради мертвых. Да, любимых, но мертвых. Никто не знает, как повернется жизнь, если обмануть смерть и прожить ее заново.

Я смотрела расширенными глазами на сына, он тянул ко мне ручки, а Веда кинжал.

– Давай, Шели. Убей его. Ты ведь итак это делаешь, когда пропадаешь здесь сутками, когда сравниваешь его с НИМИ. Когда отказываешь ему в материнской любви, боясь изменить своим мертвым детям. Боишься любить его сильнее. Казнишь себя. Кому он нужен, кроме тебя? Фиену? Он воин. Сегодня жив, а завтра о нем буде помнить только ветер, по которому разнесется его пепел. А ты готова наложить на себя руки. Кто останется у Ариса? Кто позаботится о нем? Так убей сейчас, он и так погибнет. Брошенные дети не выживают в Мендемее.

Арис смотрел на меня удивленными голубыми глазками, а потом громко заплакал, и что-то внутри меня оборвалось...изменилось. Боль сделала шаг назад, потом второй, и я, судорожно глотнув воздух, протянула к сыну дрожащие руки. Отобрала у Веды и прижала к груди, целуя темные волосики. С этого момента я перестала звать их. Я горевала. Не было и секунды, чтобы я не думала о них, но я перестала сходить с ума. Веда права – у меня есть будущее, и оно в моем сыне. Они мертвы, а он жив, и я должна обеспечить ему достойное место под проклятым солнцем Мендемее, и, кроме меня, никто этого не сделает.

«Они всегда с тобой, Шели. Оглянись вокруг. Они здесь. Пока ты помнишь о них – они бессмертны. Отпусти. Они никуда не уйдут. Они в твоём сердце, и пока оно бьется – они живы».

Иофамон не походил на другие города Мендемее. Ни на Огнемей, не на Нижемей. Если сравнивать этот город с моим миром, то я бы сказала, что здесь все напоминает восток. Яркость, вычурность и какая-то броская красота зданий. Нас разместили в небольшой пристройке для гостей самой принцессы. Рядом с ее частью дворца. Я понимала, что рискую, что сейчас я в тылу врага беззащитная и в какой-то мере уязвимая. Моя охрана не защитит ни меня, ни Ариса. Но с другой стороны наша смерть не принесет Миене ничего кроме чувства

удовлетворения от мести, а затем и смерть потому что моя армия здесь камня на камне не оставит.

Миена не настолько глупа, чтобы не понимать, что я пришла не одна. Мои воины окружили княжество по периметру, и дозор Иофамона прекрасно видит знамена с огненным цветком.

Я разместилась в шикарных покоях вместе с Арисом. Веда заняла соседние покои. Малыш зачарованно рассматривал затянутые яркими гобеленами стены, разукрашенную золотой краской мебель. Я тяжело вздохнула, глядя, с каким восторгом он смотрит на окружающую роскошь. Мой сын не видел ничего подобного за всю свою жизнь, половину из которой мы провели в пещерах и в дороге, а взятый нами Нижемай только начали отстраивать. Там все сгорело дотла, когда мы вошли в город.

Слуга-вампир с клеймом раба на щеке сообщил, что принцесса примет нас у себя через несколько часов.

Я подошла к окну и распахнула легкие, почти невесомые шторы из тонкого ярко-голубого материала, на ощупь напоминавшего шелк. Всмотрелась вдаль, и, достав зеркало, послала один блик. Подождала, пока в ответ сверкнёт вспышка в скале напротив стены. Ночью они будут подавать знаки факелами. Мы условились о связи каждые три часа.

За нами пришли ближе к вечеру, когда Иофамон погрузился в непроглядную темноту и рваные хлопья тумана затянули всю местность, ограничивая обзор. К этому времени я переоделась с дороги. Веда помогла мне зашнуровать корсет и застегнуть мелкие пуговицы сзади на тонком темно-сером платье без всяких украшений. Она расчесывала мне волосы, а я смотрела на выбитых ящеров на каждой ручке от ящиков стола и думала о том, что Миена, может, не согласится с моим предложением, и тогда нам придется брать Иофамон силой, а я уже успела рассмотреть княжество и пришла к выводу, что это будет не так просто, как я думала вначале. Город полон лазеек и возможно подземных ходов, ведущих прямо к границе с противоположной стороной Тартоса. Земли, не принадлежащие Мендемаю. Пустоши, населенные разными тварями и племенами кочевников. Веда рассказывала об этих землях – испокон веков никто не рисковал сунуться в Пустоши.

Ведьма заплела мне волосы в косы и уложила в тугой узел на затылке.

– Ты совсем не изменилась, Шели. Годы и лишения не отразились на твоей внешности. Ты все так же поразительно красива. Если бы он видел тебя сейчас, то его янтарные глаза запылали бы пламенем. Посмотри на себя, Шели. Даже в этом простом наряде ты выглядишь, как королева.

Я отрицательно качнула головой. Меня не интересовало, как я выгляжу. Это было последнее, о чем я думала все эти годы. Да и какая разница. В моей жизни не будет других мужчин, разве имеет значения собственная внешность, когда я провожу столько времени в седле, в мужской одежде с тяжелым мечом на поясе. Могла бы – я бы состригла волосы как можно короче, но они все равно отрастали со скоростью света. Мне наоборот хотелось прятать свою половую принадлежность так глубоко, как только можно. Мои воины не должны видеть во мне женщину – я такой же боец, как и они.

– Зачем ты замуровываешь себя живьем? Жизнь продолжается. Ты бессмертна, ты умопомрачительно красива. Ты еще можешь быть счастлива, Шели!

Я закрыла глаза. Счастье? Я уже не помню, какое оно. Мое счастье развеяно по Мендемаю крупными пепла, мое счастье разрублено на куски где-то так далеко, что я даже не могу оросить эти куски своими слезами. Единственный кусочек этого самого счастья заключен в Арисе. А другого мне не надо.

– Я итак счастлива, Веда.

– Как мать и как воин – да, а как женщина? Когда твоего тела последний раз касался мужчина?

Давно... но я помню каждое прикосновение, каждую ласку, как вчера, и эти касания никогда не остынут на моем теле.

– Мне это не нужно. В моей жизни был один мужчина. Один единственный. И это неизменно.

– Все меняется, Шели. Жизнь слишком длинная. Пройдет время, и ты...

Я повернулась к ведьме, которая как раз надевала мне на шею золотые украшения.

– Это лишнее.

– Она не должна почувствовать себя хозяйкой положения, Шели. Ты должна выглядеть так же, как и она.

– Величие заключается далеко не в украшениях и побрякушках, Веда.

Но Веда ошиблась... от бывшего величия Миены не осталось и следа. Если, со слов Веды, я не изменилась, то принцесса, несомненно, стала другой. Этого не заметить в ее роскошной одежде, золотистой коже и роскошных черных волосах, но она изменилась. Выражение лица, глаз. Что-то неуловимо стало другим.

Она не встала с кресла, когда я вошла в просторную залу с высоченными потолками, но приветствовала меня кивком головы, и я села напротив нее. Нам принесли напитки в хрустальных фужерах. Миена пригубила темную жидкость, и, посмотрев на меня, сказала.

– Люблю рисковать. Пить из стекла, которое способно убить меня.

Я не притронулась к чентьему и встретилась с ней взглядом. Карие глаза казались непроницаемыми.

– Рискует тот, кому нечего терять, Миена. Или когда на карту поставлено слишком много, и риск – это единственный шанс. В остальных случаях – это глупость или самодурство.

Она резко поставила бокал на стол, и карие глаза сверкнули гневом.

– А тебе есть, что терять, Зверушка? Разве ты не потеряла все, что только можно было потерять?

Я медленно выдохнула. Что же, можно было ожидать подобного выпада, удара ниже пояса.

– Мои потери остались в прошлом. На данный момент меня волнует будущее, как и тебя. Она слегка склонила голову к плечу.

– А зверушка поумнела.

– Потери заставляют иначе смотреть на жизнь. Ты приняла меня затем, чтобы обмениваться сомнительными комплиментами, или, может, все же обсудим будущее твоего княжества?

Миена снова пригубила чентьем.

– Я приняла тебя, чтобы посмотреть еще раз на ту, что погубила моего мужа, а теперь нагло потребовала встречи с его законной вдовой.

Я снова медленно выдохнула, стараясь успокоиться. Она намеренно выводит меня из равновесия, прощупывая почву. Заставить нервничать, злиться...

– Ты приняла меня не за этим, а потому что твое княжество в опасности, и ты прекрасно знаешь, насколько сильна моя армия. Тебе стало интересно, что я могу тебе предложить.

Миена покрутила бокал в тонких пальцах, и, не глядя на меня, сказала:

– На самом деле, мне плевать, насколько сильна твоя армия. Иофамон не взять никому. Само его расположение ограничивает возможности врагов для штурма.

Я усмехнулась. Она действительно настолько глупа или набивает себе цену сейчас?

– Открой карту Иофамона, Миена. Я покажу тебе все слабые места твоего княжества. Более того, расскажу, каким образом мое войско возьмет его в течении суток. При том разными методами. Могу привести в пример как минимум три из них.

Она резко вскинула голову и с грохотом поставила фужер на стол.

– Думаешь, я идиотка? Или угрожаешь мне?

– Я думаю, что ты умна. Иначе я бы не пришла к тебе. И нет, я тебе не угрожаю. Зачем? Мы обе знаем, насколько я права.

Она встала с кресла и прошла через всю залу к большому окну. Отодвинула штору, долго изучая что-то недоступное моему взгляду. Возможно, оттягивая время и обдумывая свои слова. Потом повернулась ко мне.

– Ты тоже умна. К моему удивлению. Но позволь спросить, зачем тебе это?

Зачем ты пришла ко мне, если могла взять Иофамон силой?

Я ждала этого вопроса.

– Верно. Я могу взять твоё княжество, и мы обе понесем большие потери. Этим может воспользоваться противник и с легкостью разгромить остатки моей армии.

У меня же иные цели. Мне не нужен Иофамон, я хочу вернуть Огнемай. Освободить его от Берита. Я хочу уничтожить всех проклятых братьев. Мне нужны союзники, а не враги.

Миена вздернула бровь.

– А ты амбициозна. Из рабыни в королевы? Не слишком ли высок полет для маленькой бабочки? Взять Огнемай. Уничтожить демонов королевской династии.

– Не слишком. Низко не летаю.

– Месть?

– Можно сказать и так.

Миена несколько минут смотрела на меня и молчала, я так же тянула паузу, давая ей время подумать.

– То есть ты предлагаешь мне объединиться и пойти на Огнемай? Разбить войско Берита?

– Именно!

Я готова поклясться, что ее глаза заблестели неподдельным интересом, даже слегка дрогнула верхняя губа.

– Я слышала, с тобой приехал ребенок. Мальчик. Это твой сын?

– Да. Мой младший сын.

– Он не от Аша, – она не смотрела на меня, а продолжала крутить бокал в руке разглядывая темно-бордовый Чентьем.

– Это сын Фиена. Дети Аша погибли. Это мой единственный ребенок.

Голос впервые не дрогнул, когда я произнесла его имя.

– И ты хочешь, чтобы сын инкуба правил Огнемаем?

– Чем сын инкуба хуже Берита?

Миена усмехнулась.

– Или байстрюка от смертной, верно? Я приму твоё предложение, Падшая. Но с одним условием.

Конечно, с условием ты же должна что-то получить взамен. Не так ли? Свободы твоего княжества тебе недостаточно.

– Что именно?

Миена не ответила, она хлопнула в ладоши, и в залу бесшумно вошла служанка, склонилась в поклоне.

– Марисса, приведи сюда Шай.

Я смотрела на принцессу, а она снова вернулась в кресло, откинулась на спинку и поправила тонкой рукой длинные волосы. Потом повернулась ко мне.

– Как насчет того, чтобы породниться с династией Иофам?

Я в удивлении распахнула глаза, в этот момент отворилась массивная двойная дверь и в залу вошла девочка в сопровождении служанки. Малышка строптиво повела плечами, когда рабыня попыталась поправить рукава ее ярко-зеленого платья и с любопытством посмотрела на

меня. На вид девочка на год младше Ариса. Ее огненно-рыжие волосы ослепительно сверкали в блеске свеч.

– Шай, поклонись, как я тебя учила.

Но девочка вырвалась из рук служанки, и с криком «мама» бросилась к Миене.

Предупредив мой вопрос, Миена посмотрела мне в глаза и тихо сказала.

– Это моя дочь – Шай. Она незаконнорожденная от смертного, которого продал мой отец, как только узнал о нашей связи. Я даже имени его не помню и, скорее всего, он давно помер на каменоломнях или ушел на корм воинам.

Я все еще озадаченно рассматривала ребенка. То, с каким спокойствием Миена рассказывала о смерти своего любовника, даже не покорило меня. Я начала привыкать к жестокости этого мира. Больше не удивляясь тому, на что способны демоны. Я и сама стала жестокой.

– Как ты понимаешь, у Шай нет ни малейшего шанса на нормальную партию в Мендемае. И я предлагаю сделку. Мы оформим брак наших детей по всем законам этого мира. Как только твой сын взойдет на престол, моя дочь займет достойное место возле него. В противном случае – считай, что разговор не состоялся.

Мы подписали документы тем же вечером. Скрепили печатями, и я заручилась поддержкой той, от кого совершенно ее не ожидала. Теперь мы обе в равной степени были заинтересованы в том, чтобы Берит пал, и Огнемай стал моим. После заключения сделки Миена посвятила меня в состояние армии Иофамона. Оно было плачевным. Не так давно войско понесло серьезные потери после нападения Балместа. Сиар был убит в неожиданном сражении, и Миена скрывала этот факт от всех. Даже от своих подданных. Иофамон держался на честном слове и былом могуществе. Моя армия могла взять его без особых усилий. Миена блефовала, чтобы выторговать себе условия получше. Конечно, я рассчитывала на иной исход, и разочарование заставило нервно кусать губы. Хитрая сука, и я была нужна ей намного больше, чем она мне. Впрочем, я её понимала... она заботилась о своей дочери. Возможно, я бы поступила точно так же.

Я вернулась к себе почти под утро, и, выглянув в окно, застыла. Отряд предупреждал об опасности, притом предупреждал с интервалом в несколько минут. Факелы гасли и возгорались в нескольких местах сразу. По телу пошли мурашки, и предчувствие ледяными когтями сжало сердце.

Прежде, чем я успела осознать, что происходит, на Ифамон напала тысячная армия Берита. И я в ужасе поняла, что мои отряды посылали не предупреждение нам, а сигнал начала боя. Они ввязались в него еще до того, как начали трещать под натиском взбесившихся демонов Берита, ворота Иофамона.

Глава 4

Срывая с себя платье, в спешке натягивая штаны и рубашку, подпоясываясь широким ремнем, я бросала взгляды на Ариса и на Веду, которая всматривалась в сумрак, наполненный воплями, треском костров и свистом стрел. Бойня началась резко, без предупреждения. Я видела, как взбираются на стену вооруженные луками и копьями демоны Берита. Дозору Иофамона пока что удастся их сдерживать. Но надолго ли? И моя армия, наверняка, ввязалась в бой. Это даст нам время покинуть княжество. Я знаю о существовании тоннеля, ведущего в сторону Пустоши, но без проводника мы не выйдем в подземных лабиринтах. Мне нужно убедить Миену покинуть княжество вместе со мной.

– Их слишком много, Шели. Они долго не продержатся. Все силы брошены к воротам. Если Берит сделает основательный рывок, они прорвутся к нам в тыл.

– Фиен атакует. Прикроет нас. Он знает, что мы будем уходить туннелем, там нас должен ждать отряд.

Я подхватила Ариса на руки.

– Мне не страшно, мама. Правда, не страшно.

– Я знаю, мой хороший. Ты же воин, а воины не боятся. Держись за меня покрепче. Уходим! Времени очень мало.

– Тебе не кажется странным это нападение, Шели? Когда мы ехали сюда, дороги были чистыми. Берит должен был мобилизовать армию и подготовить к бою. Без подготовки такая атака губительна.

Я посмотрела на ведьму.

– Думаешь, он знал о моем визите к Миене?

– Я не вижу иного объяснения. Знал и готовился к этому.

В этот момент дверь спальни распахнулась, и несколько демонов ворвались в наши покои. Я оголила меч, отступая к стене. Кажется, Миена сделала свои выводы из этого нападения, и они явно не в мою пользу.

– Взять предателей!

Оценивая силы, я понимала, что не смогу дать им достойный отпор, я одна с ребенком на руках. И способностей Веды на троих демонов не хватит. Моя охрана разместилась внизу, и сейчас им, наверняка, перекрыли доступ к верхним этажам, а, возможно, и убили.

– Брось оружие, Падшая! Спектакль с перемирием окончен!

Миена вошла в мои покои и с ненавистью посмотрела на меня, скрестив руки на груди.

– Маленькая сучка решила напасть, чтобы не сдержат слово? Ловко ты усыпила мою бдительность. Не понятно только, на что рассчитывала. Сбежать?

Я усмехнулась, глядя в сверкающие огнем карие глаза демоницы. Все же умом она не отличается. Я в ней ошиблась. Хитра, но далеко не умна.

– Напасть? Ты не видишь знамена армии Берита? Да и зачем мне это нужно?

– Это может быть подделка! Отвлекающий маневр!

– Где мои воины? Где Тиберий, Миена?

– Там, где они не могут причинить нам вред. В темницах Иофамона.

Миена бросила взгляд на одного из демонов – видимо, начальник ее личной охраны. Я рассмеялась ей в лицо:

– Бред! Моя армия атакует войско Берита сзади. С тыла. Если бы не они, то Берит уже давно вошел бы в княжество! Ты когда-нибудь воевала? Сомневаюсь. Твои войны сводились к подлым убийствам со спины, дворцовым интригам. Освободи мою охрану. Немедленно!

Миена в ярости сжала кулаки, и ее глаза запылали пламенем.

– Принцессе не престало воевать! Воюют только рабы и мужчины, а еще маленькие шлюхи, которые хотят власти!

Раздался оглушительный грохот, и демон метнулся к окну.

– Наши используют катапульт с огненными шарами. Но надолго этого не хватит! Ворота под натиском. Максимум, они будут осаждать город сутками и выкурят нас отсюда.

– Бросайте все. Нужно уходить и сдать княжество Бериту, – крикнула я.

Миена, оскалившись, прорычала:

– Ни за что не сдам Иофамон! Тебе не понять, что значит дом!

Да, мне не понять, что значит дом, а ей не понять того, что княжество не устоит в любом случае.

– Если впустить их во внутрь, можно зажарить их всех прямо здесь. Мы же можем уйти по тоннелю. Я знаю, что под Иофамоном скрыт целый лабиринт, ведущий к Пустоши и Тартосу. Снаружи нас ждет мой отряд. Бросай все и отдай приказ открыть ворота, а потом, закрыв их, поджечь город! Они поджарятся, как в духовке.

– Какого черта я должна тебе верить, Падшая?

– У тебя нет выбора! Иначе мы все здесь сдохнем, и ты, и я. Наши дети! Твои и мои воины. За просто так! За твоё упрямство и глупость!

Миена металась по комнате, утратив человеческий облик. Она то и дело подходила к окну, сжимая и разжимая кулаки.

– Где твоя армия? Их никто не сдерживает. Они, как тараканы, взбираются по стене! Я не вижу ни одного знамени твоего войска!

Я бросилась к окну, не обращая внимания на оголенный меч демона. Всмотрелась вдаль, выискивая в первых лучах солнца сверкающие знамена с огненным цветком. Но не увидела ни одного. Сердце болезненно сжалось. Они отступили? Но почему?

– Где твоя армия, Падшая?

Миена кричала, потеряв самообладание.

– Это ты привела сюда врагов! Ты! Бериту не нужен был Иофамон. Ему нужна ты. Какая я идиотка!

Мне захотелось вlepить ей пощечину, чтоб прекратила истерику.

– Возможно, у них другой план. У меня нет с ними связи. Мы вернемся, и ты отстроишь заново свое княжество, но представь, как сильно мы сократим численность его войска. Он не ожидает сдачи города. Да и Огнемая сейчас почти пуст. Это наш шанс на две победы одновременно. Выведи нас отсюда. Со стороны Тартоса нас ждут. Доверься мне! Иначе потом будет поздно!

Принцесса несколько секунд смотрела на меня, затем повернулась к высокому демону в боевых латах. Тому самому, который вынес дверь моей спальни.

– Делай, как она говорит. Мы спустимся в туннель – открывайте ворота. Впустите Берита и поджигайте княжество.

Потом повернулась ко мне:

– Если ты меня обманываешь – я лично убью тебя. Вырву и сожру твое сердце.

Марисса! Забирай Шай – мы уходим!

– Отпусти Тиберия и моих воинов. Нам нужна сильная охрана и они ее обеспечат. Мы не знаем, что ждет нас снаружи!

– Сделай так, как она сказала – отпусти их.

Вакханалия смерти, я успела к ней привыкнуть за те годы, что встречалась с ее самыми уродливыми ликами и масками. Только самые страшные из них приходят далеко не в лице врага, а в умиротворенных лицах тех, кого мы любим, и кто покинул нас навсегда. Ко всему

остальному привыкаешь. Это образ жизни в этом мире, где правит, в основном, смерть, а не жизнь.

Всеобщая истерия, паника снаружи просачивалась даже через каменные стены тоннеля, по которому мы пробирались на другую сторону княжества. Гул от взрывающихся огненных шаров, падающих строений сотрясал тоннель, и сверху сыпалась щебенка.

Я крепко прижимала к себе сына, слегка пригнувшись, шла следом за Тиберием, чуть поодаль Миена и Марисса с девочкой на руках. Замыкала отряд Веда и несколько демонов-воинов.

Я думала о том, почему Фиен отступил от нашего плана. Почему не продолжил удары с тыла, а позволил армии Берита атаковать княжество. Какую опасность увидел инкуб, если увел войско? Чем больше я думала об этом, тем больше начинала нервничать. Фиен мог уйти только в одном случае – если решил, что здесь некого спасать. Что мы мертвы. У нас был план и на этот случай. Он должен был увести войско вглубь гор и переждать, чтобы нанести новый удар по Бериту. Но ни в коем случае не отклонится от первоначального плана – взять Огнемай.

Мы достигли конца тоннеля, и демоны отворили огромный железный люк, ведущий наружу.

Нас там никто не ждал. Ни одной живой души. Вдалеке протиралась бескрайняя Пустошь, а слева скала Тартос заслоняла от нас солнце. Я судорожно выдохнула и посмотрела на Миену. Так не должно быть. Здесь что-то не чисто. Этот отряд должен был ждать до последнего. Как минимум несколько суток.

– Прикажи своим воинам разведать местность со стороны Пустоши. Тиберий, проверь, что там со стороны Тартоса. Что-то пошло не так. Нам придется самим пробираться к отряду через лес.

– Пешком? Без лошадей и провизии? Ты сошла с ума? Куда ты нас вывела, Падшая? Мы сдохнем от голода в проклятом лесу.

Я стиснула челюсти и прижала к себе ребенка.

– Не сдохнем. Фиен не ушел далеко. Они сделают привал в нескольких километрах отсюда. Их путь все равно лежит в Огнемай.

– Похоже, твой инкуб тебя бросил!

Я закрыла глаза, стараясь успокоиться. Мною постепенно овладевало желание оторвать ей голову. Снести мечом к такой-то матери, чтоб прекратила истерить. Я даже невольно стиснула рукоять меча. Меня останавливало то, что с нами дети.

– Прикажи им разведать местность, и двинемся в путь. Чем быстрее, тем лучше.

Тиберий бросил взгляд на Миену, а потом на меня, и сильнее сжал рукоять меча. Я посмотрела на огненную девочку, которая крепко обнимала служанку за шею, потом отрицательно качнула головой, и Тиберий кивнул в знак понимания.

Воины скрылись из вида.

– Они будут ждать еще несколько часов. Мы успеем. Как только соединимся с отрядом, двинемся к Огнемаю.

– Но идти через лес – это самоубийство. Там может быть кто угодно. Эльфы шныряют по Тартосу. Недавно моя разведка обнаружила следы целого отряда остроухих тварей. А у нас охрана из пяти демонов.

– У нас нет выбора. Каждый из моих троих стоит десятерых, и твои самые лучшие. Справимся.

Миена протянула руки к дочери и прижала ее к себе.

– Ты не голодная, Шай? Марис тебя накормила?

Девочка обхватила лицо матери маленькими ладошками:

– Накормила. Когда я перестану есть пищу мертвых? Когда я стану такой, как ты, мама?

Я отвела взгляд и выдохнула. Все же материнство меняет даже таких сучек, как эта.
– Тихо!

Я обернулась к Веде. Она смотрела в туннель, нахмутив брови. А потом вдруг закричала:
– Отряд! Там! По нашим следам! Их не меньше сотни!

Веда протянула руки к тоннелю, от ее пальцев взметнулись искры, и словно прозрачная волна столкнула камни над выходом из тоннеля. Они с грохотом завалили вход, взметнув облака пыли.

Я не успела отреагировать, вообще не успела ничего понять, как вдруг увидела сверкнувший в руке Мариссы кинжал, она вонзила его в спину Миены и та, распахнув в удивлении глаза, медленно осела на землю, а потом завалилась на спину. Все, что я успела сделать, это метнуть в Мариссу нож, он вошел точно в грудь вампириши в самое сердце.

Я бросилась к Миене, та все еще прижимала дочь к себе и вздрагивала, из-под ее спины растекалась черная лужа крови. Острые хрустали торчало из груди, и светлое платье окрашивалось в цвет смерти – черный. Господи! Что ж это такое? Как так?

У меня дрожали руки, я выпустила Ариса, склонилась к Миене, но та тряслась всем телом, закатив глаза.

– Возьми девочку, Шели. Я осмотрю рану, – голос Веды доносился словно сквозь вату. Дрожащими руками я попыталась оторвать от Миены малышку, но Шай прижалась к матери всем тельцем, цепляясь за ее плечи, лихорадочно гладила бледное лицо с закатившимися в конвульсии глазами.

– Мама! Мамааааа!

– Хрусталь задел сердце, она истекает кровью изнутри, и яд уже проникает во все жизненно важные органы.

Миена захлебывалась кашлем, кровь пенилась в уголках ее идеального рта.

Мне казалось, я начала задыхаться, прижимая к себе обоих детей, и в панике оглядываясь по сторонам.

– Марисса, видимо, оставляла метки в тоннеле, вела за собой врагов. Когда поняла, что я закрою выход – выполнила свою миссию.

Веда приложила пальцы к горлу Миены, приподняла веки демоницы, тронула острие кинжала кончиком пальца.

– Она умирает. Мы ничего не сделаем. Если бы я была у себя, то, возможно... а так мы ее не донесем.

– Твою ж мать! Какого дьявола?

Я резко обернулась, непроизвольно выхватив меч – вернулся Тиберий с отрядом.

Они смотрели на демоницу, на мертвую Мариссу и снова на меня.

– Марисса заколола Миену кинжалом, а перед этим оставила метки для воинов Берита в тоннеле.

Я снова перевела взгляд на принцессу, по ее телу проходили волны судорог и лицо посерело. Я сильнее прижала к себе Шай. Девочка кричала и вырывалась. А мне хотелось заткнуть уши от этих диких воплей. Сердце сжималось так сильно... от жалости, ужаса, неожиданности. Меня трясло как в лихорадке, и по спине ручьями стекал пот.

– Что там? – посмотрела на Тиберия, чувствуя, как сама срываюсь на панику. В груди невыносимо болело, словно ее сжало железными обручами.

– Наш отряд... все мертвы. Их перебили, как котят. Видимо, эльфы.

Я всхлипнула и закрыла глаза. Мне нужно успокоиться, нужно дышать медленнее.

– Она мертва, – тихо сказала Веда, – это было очень быстро. Она почти не мучилась.

Я до хруста прижала к себе Шай, и подхватила малышку на руки. Зарываясь в ее волосы пальцами, заставляя склонить голову к себе на плечо, чтоб не смотрела на мать. Веда взяла Ариса за руку.

Несколько минут мы все молчали, потрясенные, обескураженные. Я не могла оторвать взгляд от лица Миены, на котором застыла маска умиротворения. Всего лишь несколько минут назад я сама хотела снести ей голову, а сейчас мое сердце сжималось от жалости. Как нелепо... как... глупо. Самое страшное – умереть от ножа в спину, особенно, если его всадил тот, кому ты всецело доверял и всегда мог повернуться спиной. Все произошло настолько стремительно, что мне все еще не верилось... казалось, это какое-то жуткое видение или сон. Я открою глаза и... но вместо этого я увидела, как начальник охраны Миены склонился над телом своей госпожи и закрыл ей глаза двумя пальцами.

– Шели, – Тиберий склонился к моему уху, – нужно уходить. Эльфы где-то рядом, и я не знаю, сколько их. Нет времени на траур.

Бросил взгляд на плачущую девочку.

– Это нам тоже в дороге не нужно, ее вой слышно на несколько метров вперед.

Он выдернул меч из ножен, и я бросила на него яростный взгляд. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза.

– Как знаете! Но это обуза!

– Всё! – мой голос сорвался, – Тиберий, закопайте тела. Уходим.

Демон кивнул и махнул рукой остальным.

Мы шли уже больше часа, и мне казалось, у меня отвалятся руки. Дочь Миены уснула, склонив голову мне на плечо. Воины по очереди несли Ариса, а малышка не шла ни к кому. Только ее пытались забрать у меня – она начинала плакать. И мне эта дорога казалась уже нескончаемой. От голода урчало в желудке.

Мы приближались к карьере. К месту назначения. Но я уже не могла идти, выбилась из сил, видела, как Тиберий бросает на меня яростные взгляды, не понимая, зачем я взвалила на себя эту обузу в виде чужого ребёнка. И как я могла объяснить демону, что, прижимая к себе эту девочку, я вспоминала ту другую... МОЮ... которую не уберегла, которую потеряла. Когда-то много лет назад я точно так же, с двумя детьми на руках, блуждала по лесам. Детский запах... он неповторим, и сейчас чувствуя, как малышка вздрагивает во сне, я не могла разжать рук... когда-то я их разжала и потеряла мою девочку навсегда.

Дети не виноваты в грехах родителей, и это я заставила Миену покинуть княжество, а, значит, это я виновата в том, что произошло и у малышки никого не осталось.

Нет. У нее осталась я. Потому что я ее не брошу.

Когда я в очередной раз споткнулась и чуть не упала, Тиберий сказал, чтоб мы сделали привал.

– Вы не дойдете с ней. Оставайтесь здесь, а я приведу отряд сюда. У нас нет другого выбора. Я оставлю с вами двух воинов Миены, а мы пойдем навстречу Фиену.

Я решительно поднялась с земли и снова осела обратно. Ноги не держали меня.

Я была вынуждена согласиться. Арис тоже устал. Мы выбились из сил, блуждая по этому лесу.

– Ты правильно поступила, милая... – тихо сказала Веда и присела рядом, привлекая к себе Ариса, поглаживая его по темным волосам.

– Я знаю.

Выдохнула и провела ладонью по спине малышки, прикрывая ее накидкой.

– Вспоминаешь Марианну?

Я закрыла глаза и облокотилась о ствол дерева.

– Я никогда ее не забывала. Иногда мне даже кажется, что я слышу, как она плачет или смеется. Бывает, я так отчетливо вижу ее лицо... кажется, протяну руку – и дотронусь.

В горле запершило, и я судорожно выдохнула.

– Мам, а кто такая Марианна?

Я повернулась к Арису и посмотрела в его светло-голубые глаза. Такие же точно, как и у меня.

– Твоя сестра... она сейчас с ангелами. Смотрит на нас и улыбается.

– Она не с ангелами. Она умерла, – тихо сказал сын, – я уже достаточно большой, чтобы понимать это. А еще отец говорил, что у меня был брат и он тоже умер.

Я почувствовала, как по щеке скатилась слеза, и смахнула ее тыльной стороной ладони.

– Ты скучаешь по ним, мама?

– Да, маленький. Очень скучаю. Очень.

Арис обнял меня за шею, зарывшись лицом в мое плечо, и вдруг спросил:

– Ты любила их больше, чем любишь меня?

Сердце дрогнуло, и я прижала его одной рукой к себе, чувствуя, как по телу пошли мурашки. Дети не задают такие вопросы просто так. Неужели Арис чувствует это?

– Нет. Как я могу любить кого-то больше, чем тебя, Ар? Ты – моё сокровище, ты мой мальчик.

– Но ведь их отца ты любила больше, чем моего.

Арис поднял голову и внимательно посмотрел мне в глаза. Я знала, что когда-нибудь нам придется говорить об этом. Но сейчас? Когда я настолько не готова к этому разговору, настолько устала, что не чувствую ног.

– Мы поговорим об этом потом, хорошо? Обязательно поговорим. Я обещаю.

– Но это правда, мама? Скажи, правда?

– Кто сказал тебе об этом, Арис? Отец?

Он отрицательно качнул головой.

– А кто?

– Ты зовешь его по ночам, мама... папу никогда не зовешь, а его да.

– Кого, милый?

– Аша... так ведь звали их отца, да? Аш?

Я стиснула челюсти и сильнее зарылась лицом в волосы Ариса, целуя макушку.

– Когда-нибудь, милый, я все расскажу тебе. Когда станешь старше, ты поймешь, что нельзя кого-то любить больше, а кого-то меньше. Можно любить только одного или одну.

Вдалеке послышался хруст веток, и я вздрогнула. Веда приложила палец к губам.

Я медленно встала, прижимая к себе спящую Шай и вытаскивая меч из ножен.

Только сейчас мы заметили, что демонов рядом нет. Они исчезли. Два воина Миены. Веда кивнула в сторону чащи, и я поняла ее без слов. Нужно уходить.

Проснулась Шай и тихо всхлипнула, я склонилась к ее уху:

– Тихо, маленькая. Иначе нас всех убьют. Тихо.

Девочка обхватила меня руками за шею.

Вдалеке раздался вскрик, а затем звук падающего тела, и мы рванули в чащу леса. Кажется, нас преследуют, кто-то гонится по пятам.

Я продиралась сквозь кустарники, Веда за мной. Ветки хлещут по лицу и цепляют одежду. Пока вдруг не остановились, как вкопанные. На земле чернели тела демонов в форме армии Берита, а рядом с ними и те двое... с перевязями Иофама. Их убили совсем недавно, в воздухе витал запах свежей крови.

Я, тяжело дыша, бросила взгляд на Веду. А потом мне показалось, что кто-то пристально смотрит на меня из темноты, резко обернулась, и внутри все похолодело – в непроглядной тьме сверкнули чьи-то огненные глаза и исчезли.

В тот же момент мы услышали топот копыт и голоса. Отряд! Тиберий привел отряд! О Боже! Наконец-то!

Огромная тень метнулась слева, и я быстро обернулась, сжимая меч за рукоятку. Топот копыт приближался.

Мне показалось. Это нервы, они сдают после всего, что мы пережили за последние часы. Но кто-то убил демонов-воинов... и этот кто-то сейчас в лесу. Поблизости. Веда озиралась по сторонам, и я видела, насколько она бледна. Ведьму почти невозможно напугать, но сейчас мне казалось, ее трясет от ужаса.

Уже через несколько минут я крепко сжимала в объятиях Фиена, а он до хруста сдавливал мои плечи, осыпая лихорадочными поцелуями мое лицо:

– Я думал, ты мертва... я видел знак... я думал. Шели! Дьявол... Шели... Я с ума сошел! Серебрянка!

– Тварей убил эльф. Это эльфийский кривой кинжал. Распорол горло от уха до уха. Суки Иофамонские – они привели лазутчиков Берита.

Послышался голос Тиберия.

Фиен смотрел мне в глаза, вытирая слезы с моих щек большими пальцами, и, не отрывая от меня взгляда, крикнул Тиберию:

– Обыщите местность и двигаемся на Огнемай, – провел костяшками пальцев по моей скуле, – они понесли серьезные потери. Зажарились в пекле. А я думал, свихнусь, когда понял, что ты осталась там.

Я перехватила его запястье, чувствуя неловкость от этого безудержного восторга, видя отчаянную страсть в его глазах.

– Я жива, Фиен. Все хорошо. Я просто очень устала.

Потом перевела взгляд на малышку и снова посмотрела на инкуба:

– Это Шай. Она теперь с нами.

Фиен кивнул, убирая руку от моего лица, момент эйфории пропал.

– Дочь Миены. Ее убили, и...

Инкуб усмехнулся:

– Можно подумать, ты спрашиваешь моего мнения. Ты ставишь меня перед фактом.

– Все чисто, Фиен, – Тиберий протянул инкубу обломок стрелы, – Нашли еще несколько трупов воинов Берита. Видимо, шли за отрядом сзади. Пробиты насквозь эльфийскими стрелами, но мы не нашли следов. Видимо, единичные лазутчики, не отряд.

Я еще раз обернулась, вглядываясь в сумрак леса... Внутри появилось странное чувство. Я не могла дать ему определения. Словно дикое волнение, когда разум еще не понял, не уловил, а сердце непонятно почему трепыхается с такой силой, словно проломит грудную клетку. Тот горящий взгляд... разве у эльфов глаза полыхают огнем?

– Что с тобой? – тихо спросила Веда, когда мы оседали лошадей и двинулись в путь.

– Не знаю... я, словно... Не знаю. Мне показалось.

Я прищипорила коня и поравнялась с Фиеном, в седле которого уснул Арис.

Глава 5

Я вздохнула свободнее, когда поняла, что мы понесли минимальные потери, тогда как потери Берита исчислялись тысячами. Теперь нельзя медлить ни секунды, нужно добывать их и идти на Огнемай.

Мы оставили детей с Ведой и несколькими демонами в укрытии, в лесу, а сами ринулись обратно в пекло, в это раз в открытую, всем войском, в жерло мясорубки и пожарища. В такие минуты мною овладевало безудержное желание убивать, оно поднималось изнутри, из недр моего существа, самое темное и жуткое, что дремало во мне, из того пепла, который остался после ужасной потери. Я рвала и резала врага, представляя, что каждый из них был убийцей Аша и моих детей, если бы могла – я бы грызла их зубами. Фиен сражался бок о бок со мной, не оставляя ни на секунду, прикрывая мою спину, так же, как и Тиберий. Но за времена бесконечных битв и походов я научилась не уступать им в ловкости, пусть не в силе и опыте, но я сражалась наравне с ними. И я бы ни за что не согласилась остаться в стороне, Фиен это понял еще при самой первой битве, когда я ринулась в бой вместе с ними. Тогда я впервые была ранена хрустальным мечом и меня долго выхаживала Веда, пока я снова стала на ноги. Учатся на собственных ошибках, а самые настоящие уроки получают только в сражении. Ни одна теория и тренировки не заменят настоящего рукопашного боя, когда ты совершенно не знаешь, какой выпад сделает твой противник, который сам по себе смертоносное оружие, даже без меча. Но мне не было страшно, я не боялась смерти, и это было моим преимуществом. Никто не ожидал от женщины, что она готова драться на смерть, а мои сверкающие волосы очень часто выводили противника из равновесия. В бою у женщины есть преимущества, так говорил Тиар. Никто больше не захотел тренировать меня, считая это бессмысленной затеей, но тренер, который учил сражаться весь молодежь нашей армии, узрел мой потенциал. Он всегда говорил, что мужчины слишком самоуверенны, сражаясь с женщиной, изначально недооценивают противника, и это их первая ошибка в бою. К тому времени, когда они начинают реально понимать, что перед ними достойный соперник, обычно уже поздно и они получают несколько смертельных ранений. Тиар оказался прав. Очень редко я встречалась с врагом, который не отпускал бы самоуверенные шуточки в мой адрес и не думал о том, как отымеет меня, когда победит. У меня была цель – убить, у них, как обычно, взять в плен. Мною руководила ярость, ненависть и жажда мести, а ими недоумение, самоуверенность и похоть.

Мы ожесточенно атаковали полуразрушенные стены княжества, беспощадно добывали беглых воинов Берита еще на подступах к городу, а когда вошли, то вся мощь нашей разъяренной армии обрушилась на войско Берита. Их было намного больше, чем я рассчитывала, но никто бы уже не отступил. Адреналин бурлил в крови, и мы, раздраженные запахом крови, рвались только вперед, чувствовали победу кожей, без какой-либо неуверенности. Мы верили в нее, а вера творит чудеса. Она сворачивает горы и рушит империи. Я научила вере тех, кто, по сути, был полным отрицанием ее, как таковой. Они верили в меня и в то, что я принесу им удачу, а я вела их за собой, доказывая, что они правы. Кроме того, воины Иофама не сдавались и оказывали Бериту ожесточенное сопротивление, как я и предполагала, они стали нашими союзниками на поле боя. Это было тройное месиво, где наш противник явно проигрывал, хоть и обладал численностью войска в три раза превышающую мои подсчеты и предположения. Сложнее всего драться с теми, кто защищает свою землю и Берит нес огромные потери прямо на глазах. Мы драли их в клочья, резали и вспарывали грудные клетки, и я уже не знала, чьей кровью запачкана: своей или врага. Я выдирала сердца и с упоением отшвыривала их в сторону, отпихивая мертвых противников ударом сапога.

Да, в меня вселялся дьявол, и недаром говорят, что женщины более жестоки, чем мужчины, особенно разъяренные женщины, которые мстят. Потом, очень часто, после боя, я не верила, что могла так хладнокровно убивать, я ужасалась собственной кровожадности, и иногда меня тошнило и рвало часами, но только не во время сражения. Словно я становилась кем-то другим, кем-то, способным поджечь врага и испытывать наслаждение от его агонии, вспоминая, как языки пламени забирали у меня любимого. Меня разрывало от ненависти. Я дышала ею и пропиталась до кончиков волос.

Мы прорывались к входу в подземелье, это было моей целью, тогда как Фиен и Тиберий, разделившись с воинами на два отряда, зачищали город. Квартал за кварталом. Метр, за метром. Улицы, усыпанные мертвыми телами демонов, залитые черной кровью, посреди бушующего пламени. Поистине Ад. Один из его кругов, потому что основная битва у меня впереди – Огнемая. И я не успокоюсь, пока не дойду туда.

Мне нужно было вывести жителей Иофамона по тому тоннелю, через который Миена вывела нас с детьми. Немногие поняли моего порыва освободить смертных, но никто не спорил. Нам были нужны люди, и численность только укрепляла наши силы. Добровольных доноров много не бывает. Спасенные пленники в благодарность могли принести нам много донорской крови для воинов недемонов, которые существовали благодаря, именно, этому ресурсу.

Я отдала приказ найти Берита и привести ко мне живым. Не убивать, потому что я лично хочу казнить эту тварь. С особой жестокостью. Второго брата. Оставался еще один – Асмодей. Его я припасла на закуску, кроме того, этот хитрый ублюдок сейчас находилась в мире смертных и даже не представлял, какие потери несут его братья здесь, в Мендамае.

Тиберий с Фиеном оттесняли врага вглубь руин Иофамона, давая мне возможность войти в сам дворец, который почти не пострадал от огня, но уже был окружен им со всех сторон. Еще немного и я не войду туда, сотни жителей будут погребены заживо под руинами. Тех самых жителей, которые могут стать частью моей армии.

Вход в подземелье был завален камнями, видимо, воины Берита специально отрезали путь наружу. Когда мы прорвались в здание, мой маленький отряд уже лишился четверых, и нас осталось всего трое: я и двое преданных, еще со времен Аша, воинов, среди них мой тренер – Тиар. Израненные и изможденные, мы двигали камни, расчищая путь, слыша, как наверху гроыхает вакханалия рукопашного. Звон скрестившегося хрустала, крики и брань.

Я только могла предполагать, сколько моих полегло там и заклинать их быть осторожнее. Молиться за них, как бы странно это не звучало именно здесь, в Мендамае. Можно сказать, в самом Аду.

Огонь полыхал все ярче, расстилаясь оранжевым ковром по полу и выползая змеями по стенам, пожирая краску и гобелены, ковры и дерево, оставляя за собой черный пепел смерти. Не расчистим выход – сами попадем в ловушку, зажатые впереди огнем, а сзади каменной стеной. Если пламя перекроет выход в левый тоннель, мы все здесь погибнем.

– Давайте, родные, давайте же быстрее, – умоляла я, зная, что итак все силы на исходе и что мои воины делают намного больше, чем я, слабая женщина. Я могла бы применить свою силу, но это грозило завалом помещения.

Я постоянно оглядывалась назад, предполагая, сколько времени у нас осталось. Потолок над нами зудел и стонал, казалось, он вот-вот обвалится.

А когда по нему пошли трещины, я в отчаянии застонала – счет пошел на секунды. Огонь фактически лизал нам пятки. Наконец-то удалось расчистить выход, уставшие, истекающие потом, покрытые копотью и кровью, мы двигали последний камень. В воздухе витали искры, и дым забивался в легкие. Я дернула железный засов, отпирая массивные двойные двери.

Жители тут же, в панике, ринулись наружу, и мне не всех удавалось сдержать, успокоить и объяснить, что впереди огненная стена. Я слышала вопли тех, кто горели живьем, бросившись в истерику в самое пекло и быстро подталкивала остальных пленных к левому тоннелю.

– Быстрее! Ну, быстрее же! – голос сорвался, и я почти хрипела.

Потолок трещал все сильнее и начала сыпаться щебенка. Снаружи раздался оглушительный треск и грохот. Я посмотрела на Тиара, который подпирал деревянной балкой потолок – мы поняли, что дворец начал разрушаться.

– Шели, уходите! Уводи людей. Давай. Мы с Ченом удержим обвал, насколько сможем.

Внутри все сжалось, внутренности скрутило от отчаяния. Я не хочу больше никого терять. Я итак слишком много потеряла сегодня! И не только сегодня, черт раздери.

– Нет, мы уйдем все вместе. Нас итак слишком мало! Давай, Тиар, мы успеем!

Демон отрицательно качнул головой и в этот момент огромный кусок арматуры обвалился с потолка к моим ногам.

– Нет у нас времени. Пойдем с вами – завалит всех, а так ты сможешь вывести их через лабиринт в тоннеле. Давай, Шели, ты сможешь. Мы верим в тебя. Все мы.

Демоны подперли деревянными балками своды, но как только убрали руки, свод начал давить на балки и те крошились. Приходилось удерживать на весу, подпирая пласты изо всех сил. Я видела, как по лицам воинов градом струился пот, как вздулись вены на руках и, от диких усилий, лопались сосуды в глазах.

Бросила взгляд на потолок – весь испещрён трещинами. Времени слишком мало, Тиар прав.

– Удержим на некоторое время. Давай, Шели, уводи их. Ты же знаешь, что я прав. Давай, веди нас к победе! Как ты сказала – не этот мир правит нами, а мы правим этим миром. Уходи!

Я почувствовала, как запершило в горле, как навернулись слезы на глаза.

Тиар был близок к Ашу, сражался бок о бок с ним веками один из самых преданных воинов. Мой тренер. В какой-то мере мой друг. Он научил меня всему, что я знаю, он не раз прикрывал мою спину в бою. Я обхватила его лицо ладонями. Долго смотрела в его желтовато-зеленые глаза.

– Да, мы правим миром. Все верно, Тиар. Но я не хочу вас оставлять. Я не могу!

– Можешь! Ты сильная! Мы гордимся тобой! Мы гордимся выбором Аша! Ты будешь править этим миром, Шели. Обязательно. Ты сможешь!

Он подмигнул мне и усмехнулся.

– Идите. Мы удержим эту громадину.

Я кивнула, погладила его по щеке и, закусив губы, побежала вглубь тоннеля, выхватывая бликами от факела перепуганные лица пленников, которые не знали: ни кто их освободил, ни что их ожидает впереди.

Услышала позади себя голос Тиара:

– За Аша! Сдохнуть! Но не отступить!

Слезы потекли по щекам непроизвольно, я смахнула их тыльной стороной ладони, размазывая сажу и кровь по лицу. Да! За Аша! Он прав! Сдохнуть, но победить!

– Все за мной, я выведу вас из дворца. Вы все свободны!

И они пошли, безропотно и покорно, сжимая детей дрожащими руками, глядя на меня, как на Божество. Они не знали, что внутри меня все переворачивается и что ради них, ради совершенно чужих людей, я только что оставила умирать своих лучших воинов, которые были мне преданны все эти годы. Мир действительно менялся, потому что свирепые демоны отдавали свои жизни за смертных, а смертные умирали за демонов. Ради свободы, ради единственной цели – перемен к лучшему.

Снаружи нас встретил Фиен и Тиберий, воины орали во все глотки победный клич и размахивали знаменами Огнемая. Некоторые хлестали чентьем прямо из горла. По их довольным, окровавленным лицам я поняла, что бой выигран.

– Мы победили, Серебрянка! Сотни пленных и всего лишь десяток потерями! – выпалил Фиен и поднял меня на руки, я обняла его за шею и зарыдала. Слишком много потерь. Страшных и невозполнимых, как же трудно с ними смириться. Подняла глаза на инкуба:

– Берит?

Тот резко выдохнул:

– Сбежал, тварь. Мы не нашли его здесь, возможно, он бросил свое войско еще в самом начале боя и вернулся в Огнемай. Он продуманная и хитрая мразь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.